

GEDENKBUCH: Книга Памяти немцев-трудармейцев Усольлага НКВД/МВД СССР (1942-1947 гг.). Сост. Э.А. Гриб. Ред. В.Ф. Дизендорф. М.: Общественная академия наук российских немцев. – 2005.

Книга посвящена тысячам российских немцев, которые были мобилизованы в т.н. „рабочие колонны“ и трудились на лесоповале и лесосплаве в Усольлаге НКВД/МВД СССР (Молотовская, ныне Пермская обл.) в 1942-1947 гг. Книга Памяти содержит биографические сведения о более 3500 немцев-трудармейцев, погибших в Усольлаге. В книге публикуются воспоминания бывших трудармейцев Усольлага – Фридриха Фридриховича Лореша и Якова Егоровича Шмала, а также статья, посвященная истории т.н. трудармии и „трудармейских“ лесных лагерей НКВД, в частности – Усольлага. Книга основана на материалах архива бывшего Усольлага (ныне – Учреждение ВК-240), который находится в г. Соликамске Пермской обл.

Книга издана в рамках проекта „GEDENKBUCH“, инициированного Общественной академией наук российских немцев и предусматривающего подготовку Книги Памяти российских немцев, ставших жертвами политических репрессий 1930-40-х гг. в СССР. Издание предназначено для всех, кому дорога память об этих безвинно погибших и пострадавших советских гражданах.

Виктор ДИЗЕНДОРФ

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ: ТРУДАРМИЯ, ЛЕСНЫЕ ЛАГЕРЯ, УСОЛЬЛАГ

Так называемая трудармия 1940-х гг. – одна из самых трагичных и все еще мало изученных страниц в многовековой истории российских немцев. До середины 50-х гг., когда уцелевшие трудармейцы вместе с остальными немцами СССР существовали в режиме „спецпоселения“, советская печать полностью умалчивала не то что о трудармии, но фактически вообще о существовании немецкого населения в нашей стране. Затем, вплоть до провозглашения горбачевской гласности, в СССР дозволялось писать о трудармейцах исключительно в контексте „самоотверженного труда советских немцев в тылу в годы Великой Отечественной войны“, и то только на страницах немногочисленных и малотиражных немецких газет.

Трудармейская тематика пробила себе путь к читателям (в основном – тех же газет для российских немцев) лишь в конце 80-х гг. При этом единственным источником таких публикаций служили воспоминания самих трудармейцев. Данный этап в освещении темы трудармии увенчался выходом в свет 1-го издания книги Г. Вольтера,¹ самого известного ныне летописца этого явления. Автор не только запечатлел воспоминания многих трудармейцев, включая свои собственные, но и попытался – насколько это было возможно безо всякого доступа к архивным материалам – представить анализ трудармейского феномена.

Вскоре после издания вышеупомянутой книги, в 1992 г., приоткрылся второй важнейший источник изучения трудармии – ранее строго засекреченные документы советских директивных органов 40-х гг.: Государственного Комитета Обороны (ГКО), Совнаркома СССР, НКВД и других союзных наркоматов, ГУЛАГа и т. д. Первые подобные публикации появились опять же в газете для российских немцев „Нейес Лебен“, а затем в сборнике В. Аумана и В. Чеботаревой.² С тех пор такого рода документы о трудармии издавались неоднократно. В наиболее полном виде они представлены в 1998 г. в книге Н. Бугая.³

Опираясь на соответствующие документы центральных архивов, можно было приступить к собственно научному исследованию проблематики трудармии. Один из первых серьезных шагов в этом направлении был сделан в содержательном докладе П. Ремпеля на научной конференции в 1995 г.⁴ В 1998 г. А. Герман и А. Курочкин издали первую монографию о трудармии, основанную на обоих вышеуказанных источниках.⁵ Тогда же А. Курочкин защитил первую кандидатскую диссертацию по данной теме.⁶

Впоследствии появились и другие публикации о трудармии, базирующиеся на документах центральных директивных органов и воспоминаниях трудармейцев, но достаточно полного целостного представления об этом феномене они так и не создали. Это и не удивительно: писать о трудармии только на базе данных источников – это примерно то же самое, что изучать советскую историю, имея под рукой лишь постановления ЦК КПСС и Совмина СССР, а также мемуары советских граждан. На подобной основе подчас невозможно ответить на самые элементарные вопросы. В трудармейской тематике это наиболее наглядно проявилось при неоднократных и, увы, бесплодных попытках разобраться в том, откуда же в 40-х гг. появились сами термины „трудармия“ и „трудармеец“.

Так, В. Бруль без обиняков писал в 1995 г.: „Само это понятие [трудармия] использовалось только в бытовом лексиконе... Нежелание употреблять слово трудовая армия легко объяснимо. Работа в трудармии в полном смысле слова носила рабский характер с ухищрениями XX столетия. Нарушались все международные соглашения о правах человека, о недопустимости принудительного труда. Но ведь в глазах мирового сообщества СССР должен был выглядеть пристойно...“⁷ Ханжеское стремление „выглядеть пристойно“, творя крайне непристойные дела, действительно типично для советских (и не

только советских) властей, однако в данном случае это мало что объясняет. Во-первых, понятия „тудармия“ и „тудармейцы“ ничуть не больше ассоциируются с принудительным или рабским трудом, чем термины „рабочие колонны“ и „мобилизованные“, которые обычно использовались вместо них в соответствующих советских директивных документах. Во-вторых, эти документы, как хорошо известно, были строго секретными и отнюдь не предназначались для приукрашивания образа СССР перед лицом „мирового сообщества“.

Э. Штрамайер (Германия), напротив, резонно полагал, что для тогдашних советских властей понятие „тудармия“ не могло иметь негативной окраски. Но и его выводы столь же маловразумительны: „Когда и кем было впервые употреблено понятие "тудармия", неизвестно“, однако „неологизм "тудармия" появляется лишь в конце войны“.⁸ Если уж „неизвестно“, то почему же тогда „в конце войны“? К примеру, Я. Шмаль писал в своей книге воспоминаний, главы из которой публикуются в настоящем издании, что впервые услышал это слово еще в январе 1942 г., на призывном пункте, когда ему вручали повестку о предстоящей мобилизации в тудармию.⁹

А. Курочкин, подобно В. Брулю, заявил на научной конференции в 1996 г., что термин „тудармия“ существовал только в народном обиходе, в виде самоназвания: „Ни в одном официальном документе того времени, служебной переписке, отчетах государственных органов он не встречается“.¹⁰ Чуть позже эта фраза была почти дословно воспроизведена в совместной с А. Германом книге А. Курочкина, снабженная таким пояснением: „Называя себя тудармейцами, эти люди, тем самым, хотели хоть как-то повысить свой социальный статус, заниженный официальными властями до уровня заключенных“.¹¹ Возможно, кто-то из тудармейцев и использовал данный термин в подобных целях, но это ничуть не проясняет его происхождения и, конечно, не доказывает, что он возник именно в „народном обиходе“.

Справедливости ради отметим, что А. Курочкин, который высказался по данному поводу столь же безапелляционно, как и остальные указанные авторы („ни в одном официальном документе“ и т. д.), в отличие от них, признал необходимость изучения тудармейской тематики на основе привлечения гораздо более широкого круга источников: „Всестороннее исследование проблем тудармии будет неполным без использования материалов, хранящихся в областных архивах, в фондах комбинатов, трестов, предприятий, использовавших труд тудармейцев“.¹² Вот именно. Непонятно только, почему в этом перечне опущены архивы тех лагерей НКВД, что существовали не при комбинатах, трестах или предприятиях.

Впервые попав в архив подобного лагеря – Усольлага – и заглянув в первое же личное дело тудармейца, автор данных строк тотчас обнаружил ответ на сакраментальный вопрос, который занимал наших авторов, не имевших то ли возможности, то ли желания обратиться к подобным источникам. Так вот, термин „тудармеец“ встречается во всех личных делах последних, просмотренных мной: в актах о смерти, в актах о погребении тудармейцев, наконец, в приговорах, которые выносились им по различным поводам пресловутыми „тройками“. Чем, спрашивается, не официальные документы, отсутствие которых постулировали вышеупомянутые авторы?

Таким образом, происхождение терминов „тудармия“ и „тудармеец“ в 40-х гг. вырисовывается достаточно отчетливо. Да, их, насколько известно, не употребляли центральные директивные органы (ГКО и т. п.) – по всей видимости, потому, что правящая верхушка еще помнила об использовании подобных понятий в начале 20-х гг. Тогда, как известно, они применялись к военнослужащим Красной Армии, демобилизация которых после Гражданской войны была отсрочена, чтобы использовать их рабсилу для различных хозяйственных нужд. Но одно дело – красноармейцы, ничем не запятнавшие себя в глазах советской власти, и совсем иное – презренные российские немцы, публично объявленные „диверсантами и шпионами“, пособниками немецких фашистов. Вот и применили к немцам и другим „враждебным“ российским народам такие термины, как „рабочие колонны“ (между прочим, весьма созвучно с выражением „пятая колонна“) или „тудмобилизованные“.

Однако это произошло на самом вершине. А ведь иметь дело с этим „контингентом“ пришлось низам – далеко не столь политически подкованным начальникам лагерей, предприятий, строек и т. п. Представим себе: немцев, мобилизованных военкоматами, доставили в обычный лагерь НКВД, чтобы использовать их на лесоповале или другой „необходимой фронту“ работе. Разве не естественно назвать их в этой ситуации „тудармейцами“? Поступали так на словах конкретные лагерные начальники или нет, но на бумаге они ничуть не стеснялись называть тудармейцев тудармейцами. В Москве едва ли читали акты о смерти или погребении тудармейцев, где использовалось это слово. Но уж о вынесенных местными „тройками“ приговорах, где оно фигурировало точно так же, там не знать не могли. Остается только предположить, что в центре смотрели сквозь пальцы на эту терминологическую самодельность. Да и чего, собственно, было волноваться? Речь-то в любом случае шла о документах, которые никогда не должны были стать достоянием гласности.

Местные архивы позволяют полнее ответить и на куда более серьезные вопросы, чем происхождение термина „тудармеец“. Так, еще в 1992-93 гг. были опубликованы основные директивные документы, предопределившие создание тудармии, – Постановления ГКО от 10 января 1942 г. № 1123сс, от 14 февраля 1942 г. № 1281сс, от 7 октября 1942 г. № 2383сс. С тех пор они

препарированы, кажется, до последней запятой. Но и по сей день мало кто задавался кардинальным вопросом: в какой же мере власти реально ими руководствовались? На первый взгляд, вопрос кажется совершенно надуманным – современному читателю, наслышанному о всеилии Сталина, попросту трудно представить, чтобы при его жизни кто-то мог вольно толковать столь важные документы, подписанные им самолично. Попытаемся разобраться.

А. Герман и А. Курочкин коснулись в этой связи лишь невыполнения некоторых пунктов постановления № 1123сс по причине их трудновыполнимости, нереальности или нерасторопности местных властей.¹³ Однако, на наш взгляд, гораздо важнее другое – факты прямого игнорирования этих документов самими властями.

Прежде всего, давно уже отмечено, что данные постановления были беззастенчиво нарушены советским руководством в очень важном пункте: они предусматривали мобилизацию немцев в „рабочие колонны“ на „все время войны“, между тем как трудармия продолжала существовать и в 46-м, и в 47-м годах, а для некоторых трудармейцев и позднее.

Далее, немало примечательного в этой связи содержат документы, обнародованные Н. Бугаев, хотя никто из исследователей трудармии, насколько нам известно, до сих пор не обратил внимания на содержащиеся в них „вольности“. Так, Постановление ГКО от 14 февраля 1942 г. предусматривало мобилизацию немцев „для использования на строительстве железных дорог“. И вот по его следам руководству НКВД было доложено, что большинство мобилизованных по этому постановлению направляется в лагеря, не имеющие никакого отношения к данной отрасли: Бакалстрой, Богословстрой, Тагилстрой, Соликамстрой (промышленное строительство), Умалытстрой (горно-металлургическое производство), Краслаг, Вятлаг (лесозаготовки).¹⁴ Постановление ГКО от 7 октября 1942 г. предписывало, в частности, мобилизовать немецких женщин и направить их на предприятия Наркомнефти. Однако уже в декабре 1942 г. НКВД решил направить тысячи мобилизованных немцев в лесные лагеря. 3000 из них попали в Усольлаг,¹⁵ и в итоге многие оказались в нашем мартирологе. Мы не будем строить догадки о том, лучше или хуже сложилась бы судьба конкретных трудармейцев, если бы власти не вывернули наизнанку принятые ими же постановления (хотя вполне естественно предположить, к примеру, что в лесу женщинам приходилось еще тяжелее, чем в нефтяной промышленности). Важнее, на наш взгляд, другое: полный произвол, который творился в отношении российских немцев на всех уровнях, вне всякого сомнения имел для них губительные последствия.

Дополнительный пример такого рода я обнаружил в архиве Усольлага. В первом потоке направленных туда немцев было немало уроженцев Северо-Казахстанской области. В основном они прибыли в лагерь 18 февраля 1942 г. Нужно иметь очень преувеличенное представление об организаторских талантах советских властей, чтобы предположить, что данная акция означала исполнение вышеупомянутого Постановления ГКО, которое было принято всеми четырьмя днями ранее – 14 февраля – и предусматривало мобилизацию российских немцев, не подвергшихся депортации. В действительности, конечно, эти люди были отправлены из Северного Казахстана еще в начале февраля, а то и в конце января 1942 г., когда была официально санкционирована лишь мобилизация депортированных немцев. Но их не должны были направлять в Усольлаг и после постановления от 14 февраля – оно, как уже отмечалось, предусматривало мобилизацию только на строительство железных дорог. Налицо, стало быть, самый откровенный произвол, увенчавшийся в конечном итоге трагедией: из этих первых трудармейцев Усольлага, как мы еще увидим, мало кто остался в живых.

А. Курочкин отмечал, что сохранившиеся в местных архивах материалы о мобилизованных немцах „содержат интересную информацию о половозрастном составе, социальном происхождении, образовании, семейном положении, гражданской специальности“ трудармейцев.¹⁶ Слов нет, такие сведения представляют большой научный интерес. Как показывает первое серьезное исследование „социального портрета“ трудармейцев, предпринятое недавно С. Разинковым в Нижнем Тагиле,¹⁷ эта информация позволяет дополнить и уточнить весьма скудные данные, которые можно почерпнуть о социальной структуре российских немцев из советской официальной статистики конца 30-х гг. Однако не такого рода сведения, на наш взгляд, имеют наибольшее значение при изучении трудармии как таковой. Аналогичного мнения, видимо, придерживается и С. Разинков, который счел необходимым, помимо того, исследовать чрезвычайно важную информацию о численности немцев-трудармейцев Тагиллага, источниках и динамике их поступления в лагерь, причинах их убытия из лагеря и т. п.

В целом нельзя не отметить, что новое слово о трудармии удалось сказать в последние годы лишь тем авторам, которые обратились к третьему важнейшему источнику изучения этого явления – местным архивам. Начало было положено, пожалуй, уже Г. Вольтером, который с 1991 г. приложил массу усилий для исследования материалов Бакалстроа (Челябметаллургстроа), хранящихся в Челябинском областном архиве. Ему удалось найти немало интересных документов и даже фотографий, и это несомненно способствовало тому, что второе издание его книги о трудармии, вышедшее в 1998 г.,¹⁸ приобрело качественно новый уровень. С тех пор появился целый ряд работ о трудармии, основанных главным образом на местных архивных источниках, и количество стало постепенно перерастать в качество. Книга В. Бердинских (Киров) содержит весьма примечательную информацию о пребывании трудармейцев в Вятлаге.¹⁹ Благодаря самоотверженному труду И. Вайса (г. Красноуральск

Свердловской обл.) издана Книга памяти трудармейцев Богословлага.²⁰ Наконец, совсем недавно группа авторов во главе с В. Кирилловым (г. Нижний Тагил Свердловской обл.) издала тщательно подготовленную и великолепно оформленную Книгу памяти трудармейцев Тагиллага, на которую мы уже ссылались.²¹ Данное издание, на мой взгляд, свидетельствует о настоящем прорыве в изучении трудармии. Опыт его создателей имеет принципиальное значение для всей будущей работы в этом направлении, и поэтому я считаю необходимым сказать о нем несколько слов.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на два основных, как мне представляется, момента. Во-первых, появление данной Книги памяти было бы невозможно без многолетних усилий ее составителей по получению доступа к архиву Тагиллага (а также Богословлага), а затем по обеспечению сохранности этого архива, находившегося в аварийном состоянии.²² Во-вторых, в процессе работы была создана электронная база данных „Советские немцы-трудармейцы Тагиллага“ – первый опыт подобного рода.²³ Наличие этого современного инструмента создает совершенно новые возможности для исследования трудармии, и некоторые из них уже нашли отражение в уральском издании.

Работа над настоящей Книгой памяти протекала в совсем иных условиях, чем в Нижнем Тагиле. С одной стороны, ее участникам не пришлось бороться за спасение трудармейского архива: Усолялаг, в отличие от Тагиллага, по-прежнему является действующим лагерем (под названием „Учреждение ВК-240“), и его архив находится в целостности и сохранности. С другой, однако, стороны, дело существенно осложнялось тем, что в г. Соликамске Пермской обл., где хранится этот архив, нет таких квалифицированных исследователей, как в Нижнем Тагиле, и подготовительная работа легла здесь на плечи группы энтузиастов – активистов местной общественной организации российских немцев во главе с Э. Грибом. Но об этом речь еще впереди.

Усолялаг (Усольский исправительно-трудовой лагерь) был одним из многих лагерей сталинского „Архипелага ГУЛАГ“. Этот лагерь, организованный 5 февраля 1938 г., в разгар кровавой „ежовщины“, имел многочисленные лагпункты, разбросанные по таежному северу Пермской (Молотовской) области. Управление лагеря находилось в Соликамске. Уже в 1938 г. в Усолялаге насчитывалось свыше 10000 заключенных, а на 1 января 1942 г. – более 37000 (максимальная численность за время его существования).²⁴

После того, как в начале 1942 г. в Усолялаге были созданы отряды для мобилизованных немцев, к ним добавились тысячи немцев-трудармейцев. Они считались не осужденными, а „мобилизованными в рабочие колонны“, однако, как показал еще Герхард Вольтер, если их реальное положение и отличалось от положения заключенных, то разве что в худшую сторону.

А. Герман и А. Курочкин называют в числе объектов НКВД СССР, где размещались рабочие отряды и колонны из российских немцев, 8 лагерей, специализировавшихся на лесозаготовках: Востураллаг, Вятлаг, Ивдельлаг, Краслаг, Севураллаг, Тавдинлаг, Унжлаг, Усолялаг.²⁵ Тавдинлаг оказался в этом ряду по недосмотру авторов – в действительности он специализировался на промышленном строительстве и подчинялся соответствующему управлению НКВД.²⁶ А вот другие 7 указанных лагерей были подчинены Управлению лагерей лесной промышленности (УЛЛП) НКВД СССР и могут считаться основными символами тогдашнего гулаговского лесоповала: на 1 января 1943 г. УЛЛП подчинялось всего 9 подобных лагерей.²⁷ Остальные два лагеря – это Устьвымлаг и Каргопольлаг. В первом из них поначалу также намечалось создать отряд из трудмобилизованных немцев, однако затем ГУЛАГ решил направлять туда лишь осужденных трудармейцев;²⁸ во втором, насколько известно, трудармейцев не было. По нашим подсчетам, в 7 лесных лагерях на 1 января 1944 г. находилось 32355 трудармейцев. В целом на объектах НКВД, согласно А. Герману и А. Курочкину, на эту же дату насчитывалось 106669 трудармейцев.²⁹ Таким образом, НКВД, главный трудармейский „работодатель“, держал на лесоповале и лесосплаве 30% или около трети своей дармовой немецкой рабсилы.

Все перечисленные 7 лагерей были крупными, но Усолялаг выделялся и на этом фоне, опережая остальных как по количеству заключенных, так и (в 1943-45 гг.) по численности трудармейцев (в 1942 г. по последнему показателю первенствовал Ивдельлаг). При этом, судя по воспоминаниям выживших трудармейцев, Усолялаг мало чем отличался от других лесных лагерей НКВД: та же заброшенность в самые глухие места и полная оторванность от внешнего мира, тот же каторжный труд на лесоповале и лесосплаве, те же губительные условия существования в голоде и холоде, та же чудовищно высокая смертность. Однако в исторической памяти российских немцев Усолялаг занимает, пожалуй, особое место – в немалой мере потому, что у него, в отличие от большинства других трудармейских лагерей, были свои замечательные летописцы. Я имею в виду в первую очередь Фридриха Лореша из г. Копейска Челябинской обл., ныне живущего в Ренгсдорфе (Германия), и Якова Шмаля из Уфы, умершего недавно в Берлине, воспоминания которых публикуются ниже.³⁰

Трудармейцы, не считая женщин, попали в Усолялаг в основном в составе двух потоков: в начале 1942 г., когда туда были отправлены около 5 тыс. российских немцев, депортированных в 1941 г. на Алтай и в Северный Казахстан или ранее проживавших в последнем регионе, и с лета 1942 г., когда взамен умиравших трудармейских узников Усолялага сюда стали перебрасывать трудармейцев из других лагерей, а также немцев-заключенных. Ф. Лореш находился в первом из этих потоков, Я. Шмаль – во втором. Эти люди, обладая редкостной памятью, скрупулезностью, страстным стремлением, наконец,

высказать наболевшее, да и заметным литературным дарованием, сумели рассказать об Усольяге очень многое. Много, но, конечно, далеко не все – хотя бы потому, что условия существования на многочисленных лагпунктах Усольяга не были полностью идентичными. Это заметно уже по датам смерти трудармейцев, приведенным в нашем мартирологе.

Среди моих ближайших родственников в Усольяге отбывали трудармию пятеро: отец, мой единственный дядя по матери и трое двоюродных братьев по отцу. Из них довелось пережить Усольяг только отцу (иначе бы и не писать мне сегодня этих строк) и двум моим братьям. При этом погибшие дядя и брат выделялись среди них пятерых и своей молодостью, и физической крепостью. Как тут не вспомнить горькие слова, высказанные публично еще Г. Вольтером: в трудармии чаще других гибли самые молодые и сильные.

Дядя Густав погиб в 27 лет, Воля (так называла брата Вольдемара его мать, сестра моего отца, до конца дней горевавшая по своему мальчику) – в 20. Они оба не успели обзавестись ни женами, ни детьми, и следы их недолгого пребывания на этой земле уже почти стерлись. В живых осталось очень мало очевидцев, знавших их лично, и чуть больше тех, кто хотя бы слышал о них. Если мы сегодня не позаботимся об увековечении памяти таких людей, всех погибших немцев-трудармейцев, то завтра, боюсь, это будет сделать уже некому.

Беспощадная статистика свидетельствует, что судьба моего дяди и брата вполне типична для трудармейцев Усольяга: здесь из общего количества погибших более четверти составляли люди до 30 лет. В таких лагерях, как Усольяг, режим хоронил не просто отдельно взятых ненавистных немцев, но и само будущее нашего народа. И если мы забудем о том, что и как там происходило, то это будет означать, что сталинские палачи, в конечном счете, достигли своей цели.

К счастью, в последние годы российские немцы (и, конечно, не только они) прилагают немало усилий для увековечения памяти десятков тысяч безвинно погибших трудармейцев. Применительно к Усольягу это относится прежде всего к Эдвину Грибу, который сам отбывал трудармию в Соликамске и живет в этом городе по сей день. Именно по его инициативе там была проделана большая работа по выявлению данных о погибших трудармейцах в сохранившемся архиве Усольяга. Летом 2000 г. он переправил списки, составленные им и его помощниками, мне в Москву. К глубокому сожалению, наша Общественная академия смогла добиться их публикации только сейчас.

Хочу отметить и то, что подготовка этих списков к печати оказалась весьма непростым и трудоемким делом. Причина в том, что они, как увидит читатель, содержат огромное количество ошибок и неточностей. Это и неудивительно: исходные документы нередко составлялись полуграмотными лагерными писарями, а сами трудармейцы, крайне слабо владевшие русским языком, мало чем могли им помочь. В результате названия мест рождения и мобилизации в трудармию многих трудармейцев (а подчас также их фамилии, имена и отчества) искажались до неузнаваемости.

Когда эти списки попали в мои руки, мне первым делом подумалось, что подготовка к печати подобных материалов потребует составления достаточно полного перечня немецких населенных пунктов в СССР. Эта работа была проделана нашей Общественной академией, и к началу 2003 г. соответствующий справочник вышел в свет.³¹ На очереди – дополняющий его справочник по немецким населенным пунктам в Российской империи, также подготовленный Академией. Серьезным подспорьем при работе над настоящим изданием явились также подробные географические карты тех регионов, откуда трудармейцы Усольяга призывались в „рабочие колонны“.

Однако даже все это, вместе взятое, не позволило внести в списки необходимой ясности, и для их уточнения я решил сам съездить в Соликамск. Признаться, многое в этой двухнедельной поездке, состоявшейся весной 2005 г., меня приятно удивило. Учетные карточки трудармейцев хранятся в архиве бывшего Усольяга в отдельных ящиках, в алфавитном порядке. На соседних полках находятся дела умерших или демобилизованных по болезни трудармейцев. Никаких проблем с доступом к этим основным трудармейским документам у меня не возникло. Напротив, и в горадминистрации Соликамска, и со стороны руководства Учреждения ВК-240, и в лагерном архиве моя работа встретила понимание и вполне благожелательное отношение. Кстати говоря, этот архив, со своей стороны, по-прежнему занимается данной тематикой, отвечая, в частности, на нередкие запросы бывших трудармейцев и их близких.

Состояние трудармейских карточек тоже оказалось лучше, чем я предполагал. Не считая некоторых, напечатанных на очень некачественной бумаге, они хорошо сохранились. Я Эзау сообщил недавно со слов очевидца о фактах уничтожения учетных карточек в Богословлаге.³² Что касается Усольяга, то у меня нет оснований сомневаться в полноте его карточного фонда. Я нашел учетные карточки всех своих родных и знакомых, о пребывании которых в Усольяге мне известно (таковых насчитывается более десятка). На месте и карточки погибших трудармейцев, перечисленных в воспоминаниях вышеупомянутых летописцев Усольяга: Ф. Лореша – Боргардт Д.Д. (в нашем списке значится под № 281), Гееб Д.Д. (№ 724), Надержанский Э.А. (№ 2163), Нетт К.Э. (№ 2191), Ример А.Д. (№ 2395), Шнейдер Г.А. (№ 3160), Шнейдер Д.А. (№ 3163), Шнейдер Ф.А. (№ 3175); Я. Шмала – Ваг Д.Г. (№ 371), Зальцман В.Я. (№ 1289), Сейбель Г.Я. (№ 2555), Сейбель Я.Я. (№ 2558), Фельде Я.К. (№ 2698), Шмаль Р.И. (№ 3087). Не удалось идентифицировать лишь немногих погибших: тех, по которым

эти авторы не привели достаточно полных данных, а также тех, что умерли после 1944 г., числясь, видимо, уже не в Усольлаге, а в Ныроблаге.

Что касается качества записей на карточках, то оно крайне неравноценно. Это может заметить и читатель наших списков. Дело не в выцветших чернилах, а в том, что карточки заполнялись очень разными людьми. В Усольлаге к этой работе нередко привлекали самих трудармейцев из числа тех, что хорошо писали по-русски. С прочтением таких карточек проблем, как правило, не возникает. Но некоторые карточки заполняли сотрудники Усольлага, едва владевшие грамотой, причем со слов трудармейцев, которые говорили с сильнейшим акцентом, а подчас, очевидно, просто не понимали задаваемых им вопросов. Результат нетрудно представить: подобные записи поддаются расшифровке с большим трудом, а то и не поддаются вовсе.

Содержание учетной карточки трудармейца было стандартным и практически идентичным карточке заключенного. Фотокопия карточки трудармейца приведена в Книге памяти Тагиллага.³³ Правда, та карточка попросту заполнена на формуляре, рассчитанном на заключенного, с исправлением от руки одного вопроса (вместо „кем осужден“ – „кем мобилизован“). Такого явления я в Усольлаге не припомню. Поскольку в карточку заносились сведения обо всех перемещениях трудармейца внутри данного лагеря, а они производились нередко, к некоторым карточкам приходилось подшивать нитками дополнительные формуляры. Несмотря на довольно скромный объем информации, учетная карточка ценна тем, что позволяет получить основные сведения обо всех трудармейцах, находившихся в лагере. Она никуда не пересылалась и при перемещении трудармейца из лагеря в лагерь заполнялась заново. Но в этом заключается и ее недостаток. К примеру, в начале 1945 г. из Усольлага выделился новый лагерь – Ныроблаг, и трудармейцы многих лагунктов были автоматически туда зачислены, хотя никуда не перемещались. Так вот, в их карточках отмечен факт данного „перевода“, но ничего не сказано о дальнейшей судьбе этих людей. Чтобы ее прояснить, необходимо обратиться уже к архиву Ныроблага, который хранится в другом месте.

Личное дело, второй важнейший документ трудармейца, содержит значительно больше информации, хотя представляет собой тоненькую тетрадку в бумажной обложке. В отличие от учетной карточки, личное дело всюду следовало за трудармейцем, пока он не умирал или не подвергался демобилизации по болезни. Поэтому личных дел трудармейцев в Усольлаге хранится гораздо меньше, чем учетных карточек. Наряду с анкетными данными самих трудармейцев, зафиксированными более подробно, чем в карточках, в личных делах содержатся и некоторые сведения о их родителях и других членах семьи. Из личного дела можно почерпнуть также очень важную информацию о болезнях и причинах смерти трудармейцев, зафиксированную, насколько я могу судить, достаточно правдиво. Так, в деле моего двоюродного брата бесстрастно отражено, что еще за год с лишним до смерти, когда ему было 19 лет, он весил всего 45 кг, и что после этого, на почве полной дистрофии, у него развился туберкулез – сначала коленного сустава, а затем легких, отчего он и умер. Его близким в ответ на их запросы ничего подобного, разумеется, не сообщали. Отмечу, что в учетных карточках причины смерти (убийство „при попытке к бегству“, болезнь и т. д.) отражались лишь в очень редких случаях.

Но больше всего в личных делах потрясает, пожалуй, то, что с трудармейцев снимали отпечатки пальцев не только при поступлении в лагерь (об этом писал еще Г. Вольтер), но и после смерти: отпечаток большого пальца правой руки умершего должен был непременно присутствовать на листке с актом о смерти. О подобном изуверстве я, признаться, никогда раньше не слышал.

В акте о смерти брата меня потрясла и фамилия человека, чья подпись там стоит первой: ЭПШТЕЙН. Имя этого душегуба, патологического немцененавистника, с его крылатой фразой „Дали бы мне автомат – всех до единого уложил бы!“ запечатлел для истории тот же Г. Вольтер, со слов Иоганнеса Лотца, отбывавшего трудармию в Усольлаге.³⁴ То-то, должно быть, порадовался тов. Эпштейн, ставя свой автограф рядом с отпечатком пальца мертвого 20-летнего немца, причина смерти которого на этой маленькой безграмотной бумажке указана так: „Полиавитаминоз, тбц [туберкулез]“.

Личные дела трудармейцев, которые подвергались аресту непосредственно в трудармейском лагере и затем отдавались под суд, хранятся отдельно, в секретном архиве Усольлага. Обвинения против них, насколько мне известно, выдвигались стандартные: побег („дезертирство“), отказ от работы или саботаж (если чуть живой трудармеец уже не был в состоянии работать) и, конечно, „политика“ – знаменитая сталинская статья 58-10 (антисоветская или контрреволюционная пропаганда или агитация).

Судя по делу моего дяди, получившего по этой статье 10 лет заключения и 3 года п/п (поражения в правах), но уже через 3 месяца умершего от голода в штрафном лагункте Усольлага, личные дела этих трудармейцев отличаются главным образом тем, что содержат копию вынесенного им приговора. Поскольку никаких других материалов уголовного дела там нет, а приговор составлен очень расплывчато и попросту малограмотно, судить об обоснованности выдвинутых в нем обвинений совершенно невозможно. Я почерпнул из этого „документа“ дяди Густава только то, что он в присутствии других трудармейцев однажды не вполне верноподанно высказался насчет мудрой политики партии и правительства, а в другой раз поддержал в такой же ситуации аналогичное высказывание своего поделельника. Что и говорить – более чем весомое основание для вынесения, по сути дела, смертного приговора. Дядиным поделельником оказался его земляк по Маркшгадту и почти

ровесник Давид Фридрихович Прахт – видимо, отец нашего известного поэта Арно Прахта. Кроме того, в актах о смерти и погребении мой брат именуется „тр/армеец“, а дядя – „з/к“; да еще в личном деле брата значится, что он похоронен в гробу, головой на запад, под столбиком № 355 (проверь, кто может!), дядю же, судя по его делу, похоронили без гроба и без номерного столбика, а головой почему-то на восток. Вот и вся разница между обычным трудармейцем и заключенным.

Самая первая группа трудармейцев, ранее депортированных из АССР немцев Поволжья в восточные и центральные районы Алтайского края, появилась в Усольяге 15 февраля 1942 г. Их доставили сюда согласно вышеупомянутому Постановлению ГКО от 10 января 1942 г. № 1123сс, конкретизированному в приказе наркома НКВД СССР Л. Берии от 12 января 1942 г. № 0083.³⁵ Данное событие подробно описано в воспоминаниях Ф. Лореша. Я слышал об этом с детских лет: мои отец и дядя прибыли в Соликамск в одном эшелоне с Ф. Лорешом. 18 февраля 1942 г. в Усольяг начали поступать и немцы из Северо-Казахстанской области. В основном первый трудармейский поток заполнил лагпункты Усольяга уже к концу февраля. Лишь немногие прибыли позднее – в марте или апреле.

Поначалу НКВД строил по поводу использования мобилизованных немцев воистину наполеоновские планы. Так, 2 января 1942 г. зам. наркома В. Чернышов предложил задействовать только на лесозаготовках 80000 человек, доложив, в частности, что Усольяг может принять 9000 немцев, а Вятлаг – 10000.³⁶ Уже на примере Вятлага хорошо видно, что это была „туфта“ чистой воды. В конце января оттуда сообщили в Москву по поводу предполагаемого поступления 7000 (а не 10000!) немцев: „Лагерь для приема указанного количества немцев не подготовлен. Помещение для размещения колонн в лагере имеется, но совершенно нет постельных принадлежностей, обмундирования и не имеется никаких запасов продуктов питания“.³⁷ С другой стороны, найти враз такое астрономическое количество немцев было решительно негде. Потому, волей-неволей, пришлось спускаться с небес на землю.

Уже в вышеупомянутом приказе Л. Берии от 12 января 1942 г. цифра для Усольяга была понижена до 5000 человек, а в апреле соответствующее ведомство ГУЛАГа сообщило, что в этот лагерь направлено 4940 немцев.³⁸ А. Герман и А. Курочкин также привели последнюю цифру, но в то же время, со ссылкой на фонды Государственного архива РФ, сообщили, что на март 1942 г. в Усольяге находилось гораздо большее количество трудармейцев – 6004.³⁹ Поскольку авторы даже не попытались объяснить это явное несоответствие, остается предположить, что в последнем случае их ввели в заблуждение баснописцы из НКВД. Г. Маламуд, хорошо знакомый с соответствующими фондами не только московских, но и уральских архивов, утверждает, что на 1 апреля 1942 г. в Усольяге содержалось 4945 трудмобилизованных.⁴⁰ Эту цифру, практически совпадающую с вышеприведенными данными ГУЛАГа, мы и примем за основу.

Усольяг был единственным лесным лагерем НКВД, где исходная численность трудармейцев поддерживалась практически всю войну и даже увеличивалась. Отчасти это было достигнуто за счет новой мобилизации немцев после Постановления ГКО от 7 октября 1942 г., хотя оно вообще не предусматривало направления мобилизованных на лесозаготовку. Но в основном Усольяг пополнялся путем переброски сюда трудармейцев из других лагерей, главным образом тоже лесных.

Первая подобная партия прибыла из соседнего Вятлага уже 22 июня 1942 г. К этому моменту в Усольяге еще не было массовой смертности, и данная переброска, в отличие от последующих, была вызвана не стремлением пополнить редяющие ряды его трудармейцев, а, по всей видимости, тем, что он, имея среди лагерей НКВД самую масштабную программу лесозаготовок на 1942 г., только за январь-март лишился более 6 тыс. заключенных,⁴¹ отправленных на фронт. В этой партии находился и мой двоюродный брат Вольдемар, который успел сообщить близким, что их везли по воде, т. е. по Каме. Этот путь стал для него воистину последним, переписка вскоре оборвалась – брат, как мы теперь знаем, прожил еще два года, но был уже, очевидно, не в состоянии писать. Вслед за вятлаговской прибыли партии из Ивдельяга (28 июля 1942 г.), Унжлага (август-сентябрь 1942 г.), Краслага (июль 1943 г.), а также небольшая группа из Ухтожемлага (30-31 июля 1942 г.).

Усольяг пополняли и немцы-заключенные: из Каргопольяга (июль 1942 г.), Безьянлага (сентябрь 1942 г.), Самарлага (сентябрь-октябрь 1942 г.), Рыбинлага (октябрь 1942 г.), Сиблага (октябрь-ноябрь 1942 г.), Карлага и Вяземлага (1942-43 гг.), того же Усольяга (1942-45 гг.) и др. Это явилось результатом выполнения директивы НКВД и Прокуратуры СССР № 185 от 29 апреля 1942 г., согласно которой заключенные-немцы, отбывшие свой срок или осужденные за преступления, не связанные с „контрреволюционной“ деятельностью, направлялись в „рабочие колонны“.⁴²

В декабре 1942 г. начальник Планового отдела НКВД СССР Вайнштейн, вопреки Постановлению ГКО от 7 октября 1942 г., предложил своему зам. наркома В. Чернышову направить в лесные лагеря „для использования на биржевых лесных работах и в сельском хозяйстве“ 9 тыс. мобилизованных немцев, в т. ч. в Усольяг – 1500. Высокий начальник, проявивший, как мы видели, „масштабное мышление“ в отношении немцев-трудармейцев еще в начале 1942 г., и на сей раз не подкачал, увеличив общую цифру до 14 тыс., а по Усольягу – до 3 тыс.⁴³ Немецкие женщины, в основном из числа депортированных в Акмолинскую и Актюбинскую области, были доставлены в

Усольлаг в 1943 г., начиная с февраля. Согласно А. Герману и А. Курочкину, на январь 1944 г. в Усольлаге было 2830 трудармеек, а через год – 2763.⁴⁴

Вопрос о формировании „контингента“ конкретных трудармейских лагерей, о прибытии туда и об убытии оттуда трудармейцев изучен пока еще очень слабо. Недавно, как уже отмечалось, интересное исследование этой проблематики по Вятлагу представил С. Разинков. Кроме того, некоторые данные на сей счет опубликованы по Вятлагу. Поскольку Вятлаг, как и Усольлаг, был лесным лагерем, приведем здесь соответствующую информацию именно по нему: „По данным политотдела Вятлага, с февраля 1942 года по 1 июля 1944 г. в лагерь поступило 8207 немцев-трудармейцев. За это время убыло 5283 чел., в том числе: умерло 1428 чел., осуждено 365 чел., этапировано 823 чел., демобилизовано 1581 чел., бежало 7 чел., находится в отпуске 1079 чел.“⁴⁵

За две недели работы в архиве Усольлага я не успел собрать подробную информацию такого рода. Не удалось найти и аналогичных сводок политотдела лагеря. Поэтому с точностью я могу констатировать только одно: за тот же период в Усольлаге умерло гораздо больше трудармейцев – 3179. Кроме того, просмотрев в архиве тысячи трудармейских карточек, берусь утверждать следующее.

Во-первых, этапирование (если понимать под ним перевод в другие трудармейские лагеря) было в Усольлаге редким явлением. Напротив, в этот лагерь, как мы только что видели, в массовом порядке стягивались трудармейцы из различных лесных лагерей.

Во-вторых, процент демобилизованных был в Вятлаге явно выше, чем в Усольлаге. Руководство ГУЛАГа само отмечало, что в Вятлаге в массовом порядке демобилизовали тяжело больных людей, наличие которых „дало бы большой процент смертности“.⁴⁶ Отсюда и относительно низкая (на бумаге) смертность в этом лагере. Уже к весне 1942 г. демобилизация умирающих трудармейцев из лагерей НКВД приобрела такие масштабы, что руководство пустило в ход свой универсальный метод преодоления нежелательных явлений: бороться с их следствиями, не обращая внимания на причины. 14 апреля 1942 г. начальник ГУЛАГа НКВД СССР В. Наседкин предписал начальникам ряда подведомственных лагерей производить освобождение из „рабочих колонн“ только с предварительной санкции ГУЛАГа.⁴⁷

В-третьих, по Вятлагу зафиксировано невероятно низкое число побегов при чрезвычайно завышенном количестве „отпускников“. Причина весьма очевидна: политотдел, стремясь продемонстрировать эффективность своей кипучей деятельности, просто записал беглецов в отпускники. Подобное явление я обнаружил и в учетных карточках Усольлага, хотя и не в столь вызывающих масштабах: трудармейцы бежали, их объявляли в розыск и, найдя через какое-то время, иногда записывали задним числом находящимися в отпуске. Как правило, это были женщины, которые бежали к своим малолетним детям, оставленным на произвол судьбы по воле самих властей.

Наконец, самое, как мне представляется, важное. Больше всего в учетных карточках Усольлага меня поразило число трудармейцев, отправленных оттуда в тюрьму или отданных под суд. В принципе о таких фактах было известно, о них писал еще Г. Вольтер. На примере своего погибшего дяди знал об этом и я. Тем не менее, литература о трудармии до сих пор уделяла этому явлению, как я теперь убежден, совершенно недостаточное внимание. Между тем его масштабы были поистине огромны. Трудармия и „обычный“ ГУЛАГ представляли собой, я бы сказал, настоящие сообщающиеся сосуды. В заключении, а не непосредственно в трудармейских лагерях погибли очень многие трудармейцы. И если мы не обратимся к судьбам таких людей, то будем и в дальнейшем иметь столь же неполное и искаженное представление о численности жертв трудармии, как имеем сегодня.

Что касается приведенного количества осужденных по Вятлагу, то оно явно занижено. По данным П. Ремпеля, в 1942 г. здесь было осуждено 15,5% трудармейцев, при их среднегодовой численности 6600 чел.⁴⁸ Это означало бы более 1000 осужденных только за данный год. Видимо, политотдел отнес многих осужденных к весьма неопределенной категории „этапированных“.

Самая жгучая и больная проблема трудармейской эпопеи – смертность в „рабочих колоннах“ – также исследована до сих пор до обидного мало. Попытки представить некую общую картину этого ужасного и трагического явления предприняты, насколько нам известно, лишь в вышеупомянутом докладе П. Ремпеля и в книге А. Германа и А. Курочкина.⁴⁹ При этом приведенные в двух данных работах цифры смертности по конкретным лагерям НКВД в 1942 г. близки, но не совпадают – весьма странно, если учесть, что авторы ссылаются на одни и те же источники.

Воспользуемся данными П. Ремпеля, гораздо более полными. Судя по ним, в 1942 г. лесные лагеря НКВД отличались в целом высокой смертностью. Среди них всех опережал Усольлаг – 16,4%, далее следовали Ивдельлаг – 16,3%, Вятлаг – 13,8%, Востураллаг – 3,0%, Севураллаг – 1,8%, Краслаг – 1,3%.

Не берусь судить о Востураллаге и Севураллаге – об этих лагерях до сих пор известно очень немного. Но что касается Краслага, то указанная по нему цифра совершенно невероятна. Учитывая приведенную П. Ремпелем среднегодовую численность трудармейцев в этом лагере в 1942 г. (5800 чел.),⁵⁰ она означала бы, что за весь этот страшный год здесь умерло всего 75 человек. И это при том, что трудармейцам Краслага, переправленным в Усольлаг летом 1943 г., судя по книге Я. Шмалья, показались весьма сносными даже условия в этом гибельном лагере, где несколькими месяцами ранее был

зафиксирован пик высокой смертности! Одним из объяснений этой странной цифры, воспроизведенной также А. Германом и А. Курочкиным (у них – 1,2%), может служить высокий уровень демобилизации в Краслаге в 1942 г. – 6,6%. Данному явлению здесь благоприятствовали и внешние условия: Краслаг был единственным известным лагерем, где многие трудармейцы находились на небольшом расстоянии от своих близких, которых в 1941 г. депортировали в Красноярский край. Однако даже с учетом этого обстоятельства несостоятельность указанной цифры вполне очевидна.

Помимо лесных лагерей, судя по данным П. Ремпеля, высокая смертность трудармейцев наблюдалась в 1942 г. и в других крупных лагерях НКВД: Севжелдорлаге (страшный Котлас, о котором российские немцы не могли без содрогания вспоминать даже десятилетия спустя) – 29,9%, Богословстрое – 17,1%, Байкальском лагере (очевидно, Бакалстрой) – 16,8%, Соликамстрое – 16,1%, Кимперсайлаге – 8,3%, Тагилстрое – 7,5%. Еще чаще трудармейцы гибли в те годы, как отметил П. Рempel, на некоторых угольных шахтах и других промышленных предприятиях.

К сожалению, у данных авторов практически отсутствует статистика смертности трудармейцев в динамике. Подобные сведения приведены лишь А. Германом и А. Курочкиным, но они охватывают только 2 года (1942-44 либо 1943-44 гг.) и относятся не к отдельным лагерям или предприятиям, а к целым наркоматам. Такого рода статистические данные мало пригодны для серьезного анализа. Но главная проблема, на мой взгляд, состоит при этом в следующем: почти все обнародованные до сих пор цифры смертности трудармейцев (как низкие, так и высокие) вызывают большие сомнения в отношении своей достоверности, что я уже попытался показать на примере Краслага. Эту проблему ярко высвечивает справка соответствующего ведомства ГУЛАГа от 31 августа 1942 г., опубликованная Г. Вольтером, а затем Н. Бугаев.⁵¹ Согласно этому совсекретному документу, за январь-июль 1942 г. в Соликамстрое умерло 17,6% списочного состава трудармейцев на 1 августа, в Богословстрое – 12,6%, а в Севжелдорлаге (всего за 3 месяца) – 13,9%. Эти цифры свидетельствуют о гораздо более высоком уровне смертности, чем в данных П. Ремпеля. Есть только один способ разрешить подобные противоречия – обратиться к архивам самих лагерей и предприятий.

Аналогичным образом обстоит дело и с причинами высокой смертности в трудармии. В принципе они давно известны. Так, А. Герман и А. Курочкин называют в этой связи неполноценное питание, тяжелые жилищно-бытовые условия, перенапряжение на работе, отсутствие медикаментов и полноценной медицинской помощи, приводя на примере Вятлага и перечень наиболее частых заболеваний, приводивших к смертельному исходу и связанных в первую очередь с недоеданием: пеллагра, сильное истощение, болезни сердца, туберкулез.⁵² До сих пор, однако, никто не привел каких-либо статистических данных, отражающих сравнительную значимость перечисленных болезней в конкретных условиях. Для этого, конечно, тоже необходимо изучение лагерных архивов, в первую очередь личных дел трудармейцев.

Учетная карточка трудармейца, о которой шла речь выше, содержала довольно широкий перечень вопросов: фамилия, имя и отчество, год и место рождения, социальное происхождение, национальность, гражданство, образование, партийность (членство в ВЛКСМ), место жительства, профессия, специальность, кем и когда мобилизован, дата прибытия в лагерь, перемещения в пределах лагеря, когда и куда убыл (дата и место смерти). Ни в одной Книге памяти, конечно, нельзя отразить весь комплекс перечисленных сведений, и здесь необходим разумный выбор. На наш взгляд, при этом следует руководствоваться двумя основными критериями – значимостью тех или иных анкетных данных для судьбы трудармейца и для его идентификации.

Читатель может заметить, что перечень данных в настоящем издании более широк, чем в Книгах памяти Тагиллага, а тем более Богословлага. Таков был сознательный выбор составителей, исходивших из вышеупомянутых критериев. К примеру, в нашем мартирологе указаны не райвоенкоматы, призывавшие трудармейцев, а населенные пункты, где они в тот момент проживали. Это, как нам представляется, немаловажно для точной идентификации многих трудармейцев, зачастую имевших одинаковые фамилии, имена, а то и отчества. С другой стороны, сведения о социальном происхождении, образовании, профессии и т.п., интересные с точки зрения социологии, в этом отношении мало чем могут помочь. К тому же эти факторы обычно не оказывали особого влияния на судьбу трудармейцев, по крайней мере – в лесных лагерях: там было слишком мало рабочих мест для образованных и квалифицированных людей, и они чаще всего трудились на общих работах вместе со всеми остальными. При работе в архиве Усольяга я добавил к перечню вопросов, выбранных самими составителями Книги памяти из Соликамска, только один: когда (и, по возможности, откуда) прибыл в лагерь. Это, как увидит читатель, принципиально важно для исследования динамики смертности трудармейцев.

Нам известно лишь одно подобное исследование. Его провел недавно Я. Эзау (Тюмень) на основе данных И. Вайса из Книги памяти Богословлага.⁵³ В целом оно выявляет картину, которая хорошо знакома читателям книги Г. Вольтера, основанной в первую очередь на воспоминаниях трудармейцев Бакалстроя: чрезвычайно высокая смертность в течение всего 1942 года, затем ее резкий спад (и Г. Вольтер, и Я. Эзау связали это событие с победами под Сталинградом и Курском) и, наконец, относительно небольшая смертность с осени 1943 г. до самого конца трудармии. Выявленная нами динамика смертности по Усольягу соответствует этой картине только в самых общих чертах, имея

очень существенные отличия. На мой взгляд, они связаны главным образом с тем, что Усольлаг, в отличие от Богословлага и Бакалстрога, был лесным лагерем.

В таких лагерях (исключая, насколько я знаю, только Ивдельлаг) трудармия началась не осенью 1941 г., как в Богословлаге, Соликамстрое или Кимперсайлаге, куда в это время доставили мобилизованных немцев с Украины, а лишь в феврале 1942 г. Далее, на крупных трудармейских стройках, как писал Г. Вольтер, немцам пришлось все начинать с нуля, „с первых колышков, первых просек для дорог“, „с первых выемок для барakov“.⁵⁴ В результате первые трудармейцы, живя в палатках и землянках, питаясь впроголодь, занимаясь каторжным трудом на морозе, в совершенно непригодной для этих условий одежде, уже через несколько месяцев превратились в полуживые или настоящие трупы. В лесных лагерях с самого начала имелись какие-никакие бараки, оставшиеся от заключенных. Но был здесь и очень большой минус – практически полная оторванность от внешнего мира в течение значительной части года, о чем мы уже упоминали. На больших стройках не возникало проблем с доставкой продовольствия, и нормы питания трудармейцев здесь в основном определялись тем, насколько желало или не желало уморить немцев голодом высшее руководство. Иное дело – в лесу, где продукты надо было в большом количестве припасать заранее. Тут, помимо всего прочего, многое зависело от распорядительности, организаторских и пробивных способностей и, конечно же, от доброй воли конкретных лагерных начальников. В большинстве своем они проявили себя как никудышные организаторы и, увы, как душегубы.

Народ должен знать своих героев, и мы поименно вспомним начальников лесных лагерей НКВД, стубивших многие тысячи жизней ни в чем не повинных российских немцев-трудармейцев: Востураллаг – ст. лейтенант ГБ Васильев (1942), капитан ГБ Решетников П.М. (1942-45), подполковник Еремеев М.И. (с 1945); Вятлаг – капитан ГБ Левинсон Н.С. (1942-43), полковник Кухтиков А.Д. (1944-47), подполковник Дидоренко С.А. (с 1947); Ивдельлаг – ст. лейтенант ГБ Долгих И.И. (1942-44), майор Жуковский М.В. (с 1945); Краслаг – капитан ГБ Почтарев Г.М. (1942-43), подполковник ГБ Филиппов А.В. (1943-47), майор Аникин Я.В. (с 1947); Севураллаг – ст. лейтенант ГБ Васильев (1942, см. Востураллаг), ст. лейтенант ГБ Васин Л.З. (с 1942); Унжлаг – ст. лейтенант ГБ Автономов Ф.И. (1942-43), подполковник ГБ Почтарев Г.М. (с 1943, см. Краслаг); Усольлаг – полковник Волков А.М. (1942-44), полковник ГБ Тарасюк С.А. (с 1944).⁵⁵

Вышесказанное позволяет понять, почему динамика смертности трудармейцев Усольлага выглядела далеко не так, как в Богословлаге. По-настоящему высокая смертность в Усольлаге началась лишь в середине 1942 г., когда в основном иссякли и запасы продуктов, доставленных сюда в свое время еще для заключенных, и силы трудармейцев, загубленные лесоповалом. В течение следующего года, до середины 1943 г., смертность в лагере практически только нарастала. Здесь мало что изменили победы под Сталинградом, а позднее и под Курском: с начала 1944 г., после спада в конце 1943 г., смертность вновь начала расти. В целом динамика смертности в Усольлаге носила явно выраженный циклический характер, обусловленный сезонными особенностями доставки продовольствия, а также работы в лесу. Радикальное и окончательное снижение смертности здесь произошло лишь в конце 1944 г.

Уровень смертности трудармейцев, подсчитанный нами по материалам архива Усольлага, расходится с данными некоторых авторов. Так, Г. Вольтер сообщил со слов А. Мунтаниола, что с конца сентября 1941 г. до начала марта 1942 г. в Усольлаге было зарегистрировано 3700 умерших трудармейцев, а со слов Р. Поппе – что к весне 1943 г. в двух усольлаговских лагерях Соликамска осталась только половина из 12 тыс. трудмобилизованных, находившихся здесь в начале 1942 г.⁵⁶ Данные сведения основаны на недоразумении: в действительности эти два трудармейца, как видно из текста книги, находились не в Усольлаге, а в соседнем Соликамстрое. Далее, Н. Вашкау утверждает, что в целом по Усольлагу за 1941-42 гг. умерли 6742 человека.⁵⁷ В этом случае речь идет, очевидно, не о только о трудармейцах, но о смертности по всему лагерю – уже потому, что в 1941 г. в Усольлаге еще не было „рабочих колонн“. Других серьезных расхождений подобного рода мы в литературе не обнаружили.

Данные из приведенного ниже поименного списка погибших немцев-трудармейцев Усольлага позволяют прежде всего установить уровень смертности по годам (таб. 1). Численность трудармейцев в лагере на начало каждого года (в 1942 г. – на 1 апреля) мы привели по данным Г. Маламуда – как уже отмечалось, наиболее достоверным. Приведенные подсчеты показывают, что высокий уровень смертности наблюдался в Усольлаге в течение трех лет (1942-44 гг.), причем максимальный – в 1943 г. Такая динамика характерна, видимо, только для лесных, но не для остальных лагерей НКВД. Данные об уровне смертности за 1942 г. и остальные годы не вполне сопоставимы, т. к. трудармейцы появились в Усольлаге лишь в середине февраля 1942 г. Поэтому мы дополнительно подсчитали среднюю смертность за 2-4 кварталы 1942 г. и сопоставили ее со среднеквартальной смертностью в 1943-45 гг. Рост смертности в 1943 г. по сравнению с 1942 г. оказался в итоге, естественно, не столь заметным, но общую тенденцию это не изменило. Примененный нами способ подсчета годового уровня смертности, строго говоря, не вполне корректен: правильнее было бы относить число умерших не к числу трудармейцев на начало соответствующего года, а к их обще- или среднегодовой численности. Это не было сделано потому, что подобными данными мы, к сожалению, не располагаем. В результате наши цифры уровня

смертности могут оказаться несколько завышенными, но сравнение полученной нами цифры за 1942 г. с данными П. Ремпеля, приведенными выше (соответственно 18,9% и 16,4%), указывает на то, что итоговая погрешность невелика и общую картину изменить не может.

Таб. 2 позволяет проследить динамику смертности в Усольлаге в зависимости от возраста трудармейцев. Этот фактор влиял на уровень смертности, видимо, сильнее любого другого, отраженного в учетной карточке. Подобная статистика приводится в литературе впервые. Проведенные нами подсчеты показывают прежде всего чрезвычайно высокую смертность в наиболее работоспособном возрасте. В трудармию официально призывались немцы с 15 до 55 лет, но почти половине погибших в Усольлаге (45,6%) было от 30 до 39. В 1942 г. эта цифра оказалась еще выше – 48,0%. Г. Вольтер отбывал трудармию в Бакалстрое, однако его слова об этом лагере целиком применимы и к Усольлагу: „Первыми умирали самые рослые и сильные. Они привыкли и работать, и есть за двоих. Это соотношение изменению не подлежало, но его грубо нарушили. Мизерные нормы питания не могли обеспечить жизнедеятельность их некогда могучего организма“.⁵⁸ Невольно вспоминается и знаменитый лагерный афоризм: „Не маленькая пайка губит, а большая“. Несколько дольше держались более молодые люди – от 20 до 29: спасал молодой организм. Уровень их смертности стал непропорционально высок со 2-го квартала 1943 г. С ними, конечно, не могли тягаться трудармейцы от 40 до 49. Они отличались непропорционально высоким уровнем смертности с самого начала. Эта тенденция изменилась лишь в середине 1943 г. – видимо, просто-напросто потому, что таких людей осталось совсем мало. Мы особо выделили трудармейцев, умерших после 9 мая 1945 г.: их смерть целиком на совести сталинской верхушки, поправшей собственные решения о проведении мобилизации лишь „на все время войны“.

Работая в архиве Усольлага, я сразу же обратил внимание на высокую смертность трудармейцев, переведенных сюда из других лагерей. Многие из них умерли уже в первые дни и недели после прибытия. Причину вскрыл в своей книге еще Я. Шмаль: трудармейцы, отправленные из прежнего лагеря чуть живыми, не выдерживали изнурительной дороги и непривычных условий на новом месте – даже если это выражалось в более обильном, а не более скудном питании. Чаще всего такие люди умирали от расстройства системы пищеварения или от инфекционных болезней.

Зная об этом, я решил подсчитать, как влияли на смертность условия самого Усольлага, а не внешние обстоятельства, и отдельно рассмотреть с данной целью первый поток трудармейцев (таб. 3). Для этого в наш перечень данных и была введена дата поступления в Усольлаг. В целом картина весьма напоминает предыдущую, но имеет и свои существенные особенности. В этой партии заметно выше смертность людей старше 40 – видимо, потому, что при длительном пребывании на одном месте более молодой организм лучше приспосабливался к экстремальным условиям трудармии. Но сильнее всего бросается в глаза, что в данной партии фактически не было всплеска смертности в 1944 г., столь заметного у трудармейцев Усольлага в целом, и вообще с середины 1943 г. она давала все более исчезающее меньшинство умерших. Страшная разгадка лежит на поверхности, достаточно просто подсчитать общий уровень смертности „старожилов“ за годы трудармии. Поначалу в этой партии, как мы видели, было 4945 человек. Из них в Усольлаге умерли 2176, что составляет 44% – почти половину. А если еще учесть большее число осужденных и демобилизованных по болезни, то становится ясно, что уже через 1,5 года пребывания в трудармии среди этих людей практически больше некому было умирать. Основная масса первых трудармейцев Усольлага превратилась в лагерную пыль. И так было, конечно, не только в этом лагере.

Имеющиеся в нашем мартирологе данные о месте смерти позволяют выявить и самые смертоносные лагпункты Усольлага, в каждом из которых умерло более 100 трудармейцев. Судя по спискам, это – в порядке убывания числа умерших – Бондюг, Тимшер, Чепец, Бубыл, Нырб, Кушмангорт, Мазунья, Нечь. Только в этих забытых Богом местах с диковинными местными названиями остались навеки более 2500 немцев-трудармейцев.

Впрочем, к такого рода сведениям следует относиться осторожно. Увиденное в архиве Усольлага убедило меня, что самое проблематичное при работе с учетными карточками – это точное установление по ним даты и места смерти трудармейцев.

Помимо учетной карточки дата смерти фиксировалась в акте о смерти, причем расхождения между этими двумя документами наблюдаются сплошь и рядом. Причина проста: акт о смерти составлялся на месте, тогда как в карточку сведения заносились на основании так называемых строевых записок, составлявшихся на разных уровнях – в рабочих колоннах, отрядах и, наконец, в лагере в целом. Согласно соответствующей инструкции ГУЛАГа, эти записки должны были составляться ежедневно,⁵⁹ однако, пока информация поступала снизу вверх, в действительности проходило несколько дней. Именно с таким запозданием чаще всего и фиксировалась дата смерти в учетной карточке. Это расхождение невелико, и к тому же оно практически не сказалось на точности наших списков: приведенные здесь сведения о дате смерти, как правило, черпались не из учетных карточек, а из заведенной в архиве Усольлага особой тетради, предназначенной для ответов на соответствующие запросы и составленной непосредственно на основе личных дел.

Сложнее обстоит дело с информацией о месте смерти. Я еще до поездки в Соликамск заподозрил, что здесь что-то не так. Больше всего меня поразила совершенно аномальная динамика

смертности в лагункте Тимшер. В Усольлаге в целом самым губительным был 1-й квартал 1943 г., когда умерла почти четверть (22,6%) всех погибших трудармейцев. А вот в Тимшере, судя по нашим спискам, смертность в этот период была относительно невысокой, а в течение 1942 г. вообще низкой, что совершенно не характерно ни для Усольлага, ни для трудармии как таковой.

Я обратил внимание на этот феномен еще и потому, что в Тимшере отбывал трудармию мой отец. Судя по его редким рассказам на эту тему, которые я слышал в детстве и юности, будущие трудармейцы, прошагав в феврале 1942 г. по лютому морозу и бездорожью почти 200 километров от Соликамска до Тимшера, обнаружили там сравнительно обустроенный лагункт, из которого только что отправили их предшественников-заключенных. Для зеков, по словам отца, было припасено немало еды, благодаря чему трудармейцы Тимшера пережили начальный период трудармии относительно сносно. Но ведь не настолько много было этих продуктов, чтобы их могло хватить на целый год, до весны 1943 г., когда в Тимшере, если судить по нашим спискам, только и разразился настоящий голодомор?

Ситуация начала проясняться, когда я увидел в архиве Усольлага учетную карточку отца. Там он значится находившимся в Бондюге, хотя, как мне в точности известно, отец отбыл все 5,5 лет трудармии исключительно в Тимшере. Информация, дающая ключ к разгадке, содержится и в книге Я. Шмаля. Он перечисляет лагункты, имевшиеся в тех местах, куда он попал летом 1943 г., – Тимшер, Чепец, Ильинка, Мазунья, и добавляет, что их управление находилось в Бондюге. Таким образом, Бондюг, судя по всему, являлся не отдельным лагунктом, а одним из центров управления ими. На этом основании в учетных карточках, включая и запись о месте смерти, вполне могли, к примеру, вместо „Тимшер“ писать „Бондюг“. Я не берусь утверждать, что все записи о смерти в Бондюге относятся именно к Тимшеру, но в значительной степени это, похоже, так. Только в этом случае все становится на свои места: низкая смертность, наблюдавшаяся, якобы, в Тимшере в первый год трудармии, объясняется попросту тем, что в данный период местом смерти здешних трудармейцев указывался Бондюг. И подобное явление было возможно, конечно, и в других лагунктах.

Особую страницу в истории трудармии в Усольлаге представляет пребывание здесь немецких женщин. В целом их смертность, судя по нашим данным, была на порядок ниже, чем у мужчин-трудармейцев – они редко работали непосредственно на лесоповале, не находились в трудармии в страшном 42-м году, и к тому же женщины, как известно, отличаются большей выживаемостью в экстремальных условиях. Но от этого их пребывание в лагерях смерти не становится меньшей трагедией. Особенно ужасно то, что более половины умерших в Усольлаге женщин-трудармеек были моложе 30 лет. Погибли будущие матери, включая совсем юных девушек. Погибли, унеся с собой в могилу неродившихся немецких детей.

Женщины, попавшие в трудармию, заметно отличались по возрасту от мужчин – возрастная группа от 30 до 39 составляла среди женщин гораздо меньшую часть. Причина известна: гуманный ГКО, повелевший своим Постановлением от 7 октября 1942 г. отправить на трудармейскую каторгу ни в чем не повинных немецких женщин от 16 до 45, освободил от мобилизации беременных и имеющих детей до трех лет⁶⁰ (хотя не столь детолюбивые местные власти нередко плевали на это ограничение). Тем самым в трудармии оказались в основном незамужние девушки и женщины старше 40. Наибольшее число умерших среди женщин-трудармеек Усольлага зарегистрировано во 2-м и 3-м кварталах 1944 г., когда наблюдался всплеск смертности и среди мужчин.

Таковы основные выводы, к которым нас привело изучение трудармейского архива Усольлага. Не берусь предсказать, как они будут восприняты российскими немцами, прежде всего самими трудармейцами, тем более после недавней беседы в нашем Российско-Немецком доме в Москве. Я разговорился с бывшим трудармейцем Усольлага, и он, услышав, что по архивным данным в этом лагере погибло около 3500 трудармейцев, едва сдержал свое возмущение. По его словам, в 1943 г. в лагункте Ильинка, где он находился, были периоды, когда в день умирало по десятку человек. А ведь данный лагункт, если верить нашим спискам, был в Усольлаге далеко не самым губительным. Этот человек видел трудармию не на бумаге, а воочию, и он, я думаю, по-своему прав.

Прав прежде всего потому, что нам удалось узнать о трудармейском Усольлаге немало, но, к сожалению, далеко не все. Мы просмотрели учетные карточки трудармейцев, однако почти еще не коснулись их сохранившихся личных дел. А в них имеется много информации, которая может существенно дополнить и в чем-то, конечно, уточнить полученные нами сведения. Особая проблема – судьбы массы трудармейцев, отданных в трудармию под суд. Как я отметил выше, ее изучение даже еще не начиналось.

Соображениями о возможном направлении дальнейших поисков поделился со мной и Э. Гриб. Ему удалось узнать, что в архивах бывшего Усольлага, а также Ныроблага (туда, напомним, в 1945 г. были переданы многие лагункты Усольлага) хранятся 5182 личных дела на умерших и демобилизованных по болезни немцев-трудармейцев, а также 18791 учетная карточка трудармейцев. Очевидно, тщательное изучение всего этого информационного массива позволило бы внести ясность во многие вопросы, еще оставшиеся открытыми.

Из сказанного однозначно вытекает, что работа по увековечению памяти трудармейцев Усольлага должна быть продолжена. Это относится, разумеется, и к остальным трудармейским лагерям.

Участники подготовки данного мартиролога считают ее этапом этой большой и чрезвычайно важной работы. Мы искренне признательны всем, кто оказывал нам содействие.

Примечания

- 1 Вольтер Г.А. Зона полного покоя. М., 1991.
- 2 Neues Leben, 26.08.1992; История российских немцев в документах (1763-1992 гг.). Сост. Ауман В.А., Чеботарева В.Г. М., 1993, с. 168-170, 172-175.
- 3 „Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин“: Сб. док. (1940-е годы). Сост., предисл., коммент. Н.Ф. Бугая. М., 1998.
- 4 Ремпель П.Б. Депортация немцев из Европейской части СССР и трудармия по „совершенно секретным“ документам НКВД СССР 1941-1944 гг., в кн.: Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996, с. 69-96.
- 5 Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в „Трудовой армии“ (1941-1945). М., 1998.
- 6 Курочкин А.Н. Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Автореф. дис. канд. ист. наук. Саратов, 1998.
- 7 Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Ч. 2. Топчиха, 1995, с. 49.
- 8 Strohmaier E. „Traudarmija“, in: Heimatbuch der Deutschen aus Rußland 1995/1996, S. 130.
- 9 Schmal J. Den Kelch bis zur Neige geleert. М., 1995, S. 55.
- 10 Курочкин А.Н. „Трудармия“: историография и источники, в кн.: Российские немцы. Историография и источниковедение. М., 1997, с. 126.
- 11 Герман А.А., Курочкин А.Н. Указ. соч., с. 7.
- 12 Курочкин А.Н. „Трудармия“, с. 132.
- 13 Герман А.А., Курочкин А.Н. Указ. соч., с. 54-55.
- 14 „Мобилизовать немцев...“, с. 41, 70-71.
- 15 Там же, с. 43-44, 261.
- 16 Курочкин А.Н. „Трудармия“, с. 132.
- 17 Разинков С.Л. Социальный портрет трудармейцев Тагиллага, в кн.: GEDENKBUCH: „Гордое терпенье. Книга памяти советских немцев – узников Тагиллага“. Екатеринбург, 2004, с. 23-35.
- 18 См.: Вольтер Г.А. Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее. Свидетельства очевидцев. Изд. 2-е, доп. и испр. Под ред. В.Ф. Дизендорфа. М., 1998.
- 19 Бердинских В. Вятлаг. Киров, 1998, с. 144-149.
- 20 См.: Книга Памяти: 3461 имя трудармейцев немецкой национальности, погибших в Богословлаге в годы Великой Отечественной войны. М., 2000.
- 21 См.: GEDENKBUCH: „Гордое терпенье. Книга памяти советских немцев – узников Тагиллага“. Авт.-сост.: В.М. Кириллов, П.М. Кузьмина, С.Л. Разинков, А.Я. Цейзер. Екатеринбург, 2004.
- 22 См.: Указ. изд., с. 9-10.
- 23 Поршнев С.В., Разинков С.Л. Опыт создания базы данных „Советские немцы-трудармейцы Тагиллага“, см.: Там же, с. 6-48.
- 24 Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960: Справочник. Сост. М.Б. Смирнов. Под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. М., 1998, с. 491-492.
- 25 Герман А.А., Курочкин А.Н. Указ. соч., с. 166-169.
- 26 Система исправительно-трудовых лагерей, с. 472.
- 27 Там же, с. 112.
- 28 „Мобилизовать немцев...“, с. 63, 73.
- 29 Герман А.А., Курочкин А.Н. Указ. соч., с. 67.
- 30 Первоначально они были опубликованы на немецком языке: Loesch F. Als „Armist“ in den Lagern Timscher, Pilva, Pjinka, Moskali, Masunja, Tschelwa..., in: Heimatbuch der Deutschen aus Rußland 1995/1996, S. 137-150; Schmal J. Op. cit., S. 120-167. В настоящем издании воспоминания Ф. Лореша публикуются в моем переводе, который выполнен по рукописи, любезно предоставленной мне автором во время нашей встречи у него дома в Германии в 1996 г. Книга Я. Шмала была впервые переведена Т. Басалаевой. В 1998 г. я отредактировал этот перевод и согласовал редактуру с автором, уже проживавшим тогда в Берлине. Издать переведенную книгу в Москве, к сожалению, так и не удалось по не зависящим от нас причинам. Для данного издания я перевел соответствующие главы заново, сверив перевод с текстом Т. Басалаевой. Воспоминания публикуются с незначительными сокращениями.
- 31 См.: Немецкие населенные пункты в СССР до 1941 г.: География и население. Справочник. Сост. В.Ф. Дизендорф. М., 2002.
- 32 Эзау Я. Цена победы, „Культура“. Российские немцы Омской области. Информационно-методический бюллетень, 2005, № 8, с. 34.
- 33 GEDENKBUCH, с. 41.
- 34 Вольтер Г.А. Указ. соч., 2-е изд., с. 266-268.
- 35 „Мобилизовать немцев...“, с. 39-40, 62-64.
- 36 Там же, с. 57.
- 37 См.: Бердинских В. Указ. соч., с. 144.
- 38 „Мобилизовать немцев...“, с. 62, 70.
- 39 Герман А.А., Курочкин А.Н. Указ. соч., с. 56, 169.
- 40 GEDENKBUCH, с. 18.
- 41 См.: „Мобилизовать немцев...“, с. 57; Система исправительно-трудовых лагерей, с. 492.
- 42 См.: Герман А.А., Курочкин А.Н. Указ. соч., с. 62.
- 43 „Мобилизовать немцев...“, с. 215, 261.
- 44 Герман А.А., Курочкин А.Н. Указ. соч., с. 169.
- 45 Бердинских В. Указ. соч., с. 145.
- 46 См.: Курочкин А.Н. „Трудармия“, с. 128.
- 47 „Мобилизовать немцев...“, с. 69.
- 48 Ремпель П.Б. Указ. соч., с. 84, 92.
- 49 Там же, с. 92-95; Герман А.А., Курочкин А.Н. Указ. соч., с. 114-115.
- 50 Ремпель П.Б. Указ. соч., с. 90.
- 51 Вольтер Г.А. Указ. соч., 2-е изд., с. 272; „Мобилизовать немцев...“, с. 138-139.
- 52 Герман А.А., Курочкин А.Н. Указ. соч., с. 116-117.
- 53 Эзау Я. Указ. соч., с. 32-36.

- 54 Вольтер Г.А. Указ. соч., 2-е изд., с. 8.
- 55 Система исправительно-трудовых лагерей, с. 195-196, 201, 227-228, 303, 389, 489, 492.
- 56 Вольтер Г.А. Указ. соч., 2-е изд., с. 167, 171.
- 57 Немцы Сибири: история и современность. Ч. 1. Омск, 1995, с. 37.
- 58 Вольтер Г.А. Указ. соч., 2-е изд., с. 137.
- 59 „Мобилизовать немцев...“, с. 129.
- 60 Там же, с. 43.